

Павел ТУЖИЛКИН

Родился в 1953 году в селе Плюхине Горьковской области. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Работал инспектором отдела гражданской обороны, военным руководителем в школе, секретарем городского комитета ВЛКСМ, начальником отдела администрации города Сарова.

Публиковался в журналах «Роман-журнал XXI век», «Крокодил», «Нижний Новгород», ряде других изданий. Автор сборников стихов и прозы.

Лауреат национальной премии Союза писателей России «Имперская культура» за роман-предположение «Пламенный» о жизни Серафима Саровского (2011). Награжден золотой медалью «Василий Шукшин» (2017).

Член Союза писателей России. Живет в Сарове.

УМНИК

Выехали, как всегда, затемно. «Нива»-трехдверка шустро катила по заснеженной, но хорошо очищенной дороге. Зимние рыбаки Федор и Яков были бодры и радостно возбуждены. Предстоящая рыбалка манила их своими щедрыми ожиданиями и приятными предчувствиями. Сколько их было, таких рыбалок! И даже если несколько предыдущих поездок были пустыми, каждый раз мужики надеялись на чудо: уж вот сегодня будет клев – ого-го! Езды было около часа, рыбаки оживленно болтали о предстоящей рыбалке.

– На этот раз давай в Ольгином омуте попробуем, – басил Федор, крепко держа огромными лапищами руль потрепанного рыбацкого автомобиля. – Там, говорят, судак на зимовку спрятался.

Федор был отставным полковником, крепким, могучим, с квадратной головой и брежневскими бровями. Его командирский голос не давал собеседнику шансов возражать: если полковник сказал – так и будет.

Но не таким был Яков, чтобы подчиняться каким-то там отставным воякам. Он был щуплым, тщедушным, с яйцевидной небольшой головой и белесыми ресницами, но гонору в нем было не меньше, чем в генерале. Всю жизнь он работал преподавателем логики. Сначала в вечернем университете марксизма-ленинизма, потом, когда марксизм-ленинизм был признан лженаукой, преподавал в институте. Логика – она и в Африке логика. Без нее никуда. У Якова наблюдалось высокое самомнение. Поэтому он зачастую возражал просто из принципа.

– Нет, – пренебрежительно махнул он рукой, – на Ольгином омуте делать нечего. Там по осени, говорят, с электродочками местные прошлись, так что просидим весь день впустую. Давай на Глухую заводь, там плотва с реки зашла – во какая! – по полкило. Мне знакомый рассказывал.

– Ну, на заводь так на заводь, – неожиданно легко согласился полковник.

В непринципиальных вопросах он уступал без серьезных возражений, чего зря воздух сотрясать. А если приятель окажется неправым и вместо жирной плотвы им на крючок попадетя только пара сопливых ершишек, так будет лишний повод ехидно попрекнуть самоуверенного предсказателя. Главное в рыбалке все равно процесс! Целый день на свежем воздухе, приличные физические нагрузки, интересные беседа с приятным человеком, положительные эмоции – это все продлевает жизнь, которая неумолимо покатила к печальному концу.

Подъехать прямо к реке даже и в начале зимы всегда проблематично: снегу уже навалило много. Поэтому «Ниву» обычно оставляли в деревеньке, отстоящей от реки на полкилометра. В деревню въехали, когда небо уже посерело, убогие скворечники деревянных домишек явно выступали из сугробов, похожих на горы хлопка, какие Федор видел во время службы в Узбекистане. Водитель добавил газку: надо торопиться, пока доберешься до заводи, пока пробурешься – совсем рассветает.

– Гляди – горит! – вдруг выкрикнул Яков и указал вправо, где среди заснеженных огородов проглядывался проулок.

И точно – в конце проулка стоявшая на отшибе кривенькая избенка выбрасывала в зимние небеса клубы черного дыма. Огня не было видно, но сомнений не оставалось – пожар!

Федор резко свернул в проулок и поддал газу. Привычная к бездорожью «Нива» виляла по едва очищенной дороге, но упорно везла рыбаков к цели.

Выскочив из машины, мужики бросились к дому по узенькой тропинке, увязая в снегу и падая от своей торопливости. Тропинка их вывела к ветхому крыльцу, что скрывался за домом. На крыльце стояла старушка в серой кофте и валенках, хлопала себя по бокам, словно всполошенная курица, и тоненьким голоском причитала:

– Господи, за что мне это? Господи, помоги... Господи, помилуй!

– Бабка, кто в доме остался? – крикнул решительный и готовый к действиям полковник.

– Васька, – плаксиво откликнулась бабка.

– Кто это? – резко спросил Федор. – Муж, сын, внук?

– Ко-от, – ответила погорелица и залилась слезами.

– Тьфу ты! – чертыхнулся Федор. – Я-то думал...

– Миленький, спаси ты мне Ваську-то, как же я без него? – жалобно попросила бабка.

Федор перешагнул через сугроб, подошел к окну и ударил локтем по стеклу. Полетели осколки, бабка ахнула, из дома, словно рыжий дракон, вымахнуло пламя. Огонь, получивший доступ к воздуху, мгновенно охватил всю избу. Федор схватил старушку в охапку и побежал от дома. За ними, прикрываясь локтем от жаркого пламени, спешил Яков.

Вызвав пожарных и передав погорелицу на попечение соседей, рыбаки продолжили свой путь, живо обсуждая событие, участником которого они оказались.

– Зря ты окно разбил, – сказал Яков. – Доступ к кислороду только открыл, вот и полыхнуло сразу.

– А ты что бы сделал? – сердито ответил полковник. – В избу за котом без противогаса полез? Так лез бы, сейчас бы в своем царствии небесном уже райский нектар из пивных кружек пил.

Про царствие небесное Федор сказал неслучайно. В последнее время Яков заделался верующим, что сильно раздражало полковника. Он не упускал случая, чтобы подколоть приятеля.

– Вот ты мне скажи, – спрашивал он ехидно. – Рождество Христово – это рождение человека или Бога?

– Богочеловека, – уклончиво отвечал Яков.

– Ты не финти, бог-то ведь уже был до этого?

– Был.

– Значит, родился человек?

– Ну человек, но потом он стал Богом.

– Постой, так Бог-то уже был. Их что – два стало?

– Нет, их стало трое.

– Во как! А третий-то кто же?

– Дух святой.

– Ты хоть сам-то понимаешь, что это такое?

– Нет, – честно отвечал Яков. – Но могу себе логически это объяснить.

– Это тебя твоя логика верить в Бога научила?

– Логика, конечно. Четвертый закон мышления гласит: «Мы все должны мыслить на достаточном основании». И я это основание нашел. Ты, Федя, послушай и тогда сам поймешь, что все логично.

– Ну, давай, Спиноза.

– Вот для чего атомы нужны?

– Атомы?

– Ну да, атомы. Ты чего, глухой, что ли?

– И вовсе я не глухой.

– Тогда соображай поскорее – для чего нужны атомы?

– А черт его знает.

– А нужны они, чтобы образовать молекулы. А для чего нужны молекулы?

– Для чего?

– Чтобы образовать вещество. А для чего нужно вещество?

– Вот пристал.

– А вещество нужно, чтобы образовывать космические объекты: планеты, звезды...

– А для чего нужны планеты и звезды? – включился в игру полковник.

– А для того, чтобы образовывать галактики.

– А галактики?

– Для того чтобы образовать Вселенную.

– И что?

– Так вот вопрос – а кому нужна Вселенная?

– Кому?

– Творцу! Больше никому. Вот я тебе и доказал, что Бог есть!

– Вон как выкрутил. Мудрено, но неубедительно.

Такие перепалки были частыми между друзьями.

Вот и сейчас полковник, крутя баранку, подкалывал приятеля.

– Ну, что скажешь теперь про Бога-то?

– А что я должен сказать?

– Вот за что он бабку наказал и дом у нее спалил?

– Может, она грешила много.

– Так она все грехи в церкви уж давно отмолила, поди. А он ее все равно наказал. И ведь просила она его – помоги, говорит, спаси меня, Господи. А он ей огоньку под крышу. Вон как пылало.

– Федя, у тебя в мозгах сплошной мрак, как у негра... в Африке.

– А ты не увиливай. Объясняй мне все по порядку. Я, может, тоже, как и ты, в царствие небесное хочу попасть.

– Да чего тебе объяснять-то?

– Да про все. Вот про то же царствие небесное. Ты всерьез веришь, что тебя после смерти на небесах ангелочки встретят и в рай на крыльшках отнесут?

– А почему бы мне и не верить?

– Да врешь ты все.

– Федь, ты все время все упрощаешь. Религия – это сложная субстанция.

– Сам ты станция, Яша. Скажи просто – веришь в загробную жизнь или нет!

– Верю! Но только думаю, что она гораздо сложнее, чем про нее говорят попы.

– Не любишь попов-то?

– А за что их любить-то?

– Так они же с Богом того... вась-вась... То бишь друганы. Подмажешь им – и они перед Богом за тебя словечко замолвят. Глядишь – скорородку побольше приготовит.

Федор заржал.

– А ты не боишься, что ты ошибаешься? – спросил Яков.

– В чем?

– Ну, в отношении к вере.

– Я ничего не боюсь.

– Врешь ты все. Все чего-то боятся. Верующие боятся, что жизнь после смерти есть и придется отвечать за свои земные грехи, а атеисты боятся, что там ничего нет.

– Эх, загнул.

– Тормози давай. Деревня кончилась. Дальше не проедем.

После того как запыхавшиеся рыбаки выбрались из сугробов на ровное белое покрывало заводи и пробурились под кусточком у самого берега, разговор их продолжился.

– Яш.

– Ну.

– А чего это ты на попов-то злой?

– Да... говорить не хочется.

– Ну мне-то можно сказать.

– Да ты опять ерничать начнешь.

– Да не буду я. Честное пионерское.

– Ну, слушай. Вот когда я понял, что есть в мире Творец, что именно он все это создал, и мало того – контролирует все, я начал много читать. Простудировал всю Библию, почитал всякие разъяснения и понял, что мало просто верить, надо еще участвовать в процессе этой веры: молитвы читать, креститься, причащаться, исповедоваться. Молитвы я выучил, к тому же вспомнил, что мать говорила мне о моем крещении, значит, можно было идти в церковь. Ну я и пошел. Честно отстоял всю службу, правда, не понял ничего, ну, думаю, потом привыкну, стану понимать больше. Все встали в очередь к попу, и я встал.

Он всех крестит и дает из ложечки кагор для причастия. Двигаюсь потихоньку. По сторонам посматриваю – неплохо все устроено, чистенько, приятненько, иконы там, свечи, одежды нарядные... Подхожу к попу, разеваю рот, как все, чтобы он, значит, причастил меня, «кровью Христовой». Тот уж совсем наладился мне в глотку кагорчику налить, как помощник его, подпопок, и говорит: «А этот не исповедался. Ему нельзя к причастию». Поп поглядел на меня сурово и спрашивает: «А что же ты, сын мой, не исповедался?» Ну, я как-то засмутился, что они застукали меня за этим позорным деянием: попыткой причаститься без исповедания. Я видел, конечно, что во время службы в одном углу храма все на коленях подпопку про что-то нашептывали. А тот их крестил и руку целовать давал. Я догадался, что это прихожане исповедовались, то есть о грехах своих говорили. Но я как-то не решился туда к нему сходить – чего это я чужому человеку про свои безобразия буду рассказывать, мало ли я за свою жизнь поганого натворил. Нет уж, увольте. Если бы Богу напрямую, я бы во всем признался. Тем более что он и сам все знает. А так пацану какому-то с жиденькой бородашкой душу выворачивать несолидно как-то для кандидата наук. Ну, думаю, ладно. Стерплю. «Я готов исповедоваться, батюшка, прямо сейчас», – говорю главному попу. А он мне: «А ты знаешь, что такое причастие?» Я-то, конечно, подковался к тому времени неплохо, но экзамена не сдавал никому. Помню, что причащаясь, человек как бы соединяется с Христом, выпивая его кровь и съедая частичку его тела...

– Ужас! – передернулся, Федор. – Людоедство какое-то.

– А ты не перебивай, – рассердился Яков. – Слушай дальше. Ну вот, я вроде знаю по это таинство, но мало ли что у них там на самом деле. Может, я понял что не так. Ну и говорю на всякий случай, что не знаю я сути причастия. Думаю, вот он мне сейчас все объяснит, раз батюшкой моим назвался, а меня сыном называет, и я после его разъяснения, просветленный и одухотворенный, причащусь. А потом в своей вере дальше пойду.

– А он тебя выгнал поганой метлой, – догадался Федор.

– Почти. Он мне и говорит: «Ничего про веру не знаешь, а в храм приперся. Лезут и лезут всякие. Иди Библию почитай». Вот я и ушел. И больше к попам не хожу.

Федор свалился с ящика в снег и захохотал так, что окуни подо льдом в панике порскнули кто куда. Яков не обиделся. Он понимал, что ситуация, в какую он попал, была дурацкая. Даже сам хохотнул. Над собой иногда невредно посмеяться.

Рыбалка на этот раз удалась. Плотва шла действительно крупная, жирная, увесистая. Такую поймать одну и то большое удовольствие, а тут не менее чем по десятку оба на лед покидали. Ох, и азартная это вещь – рыбалка. Вот приподняла плотвичка кивочек удочки, а потом вниз – дерг! Рраз! Подсечка – и живая, трепещущая тяжесть натянула леску, поволокла ее в глубину. Врешь, подруга, не уйдешь. Тянет рыбак тонюсенькую лесочку между пальцев, осторожненько, мягко: коли рыбок почуял – чуть ослабил лесочку. Она между пальцев скользит, плотва выбирает длину, уходит вниз. А ослабила давление – рыбак опять подтягивает потихоньку, полегоньку, не торопясь. Вот уж в лунке балахтается красавица. Оп! – и на льду скачет, толстыми боками на солнышке поблескивает. Красота!

Но клев быстро кончается – то ли стайка маленькая подошла и ее всю выловили, то ли спугнули суетой да топаньем. Все – как в ванне,

не берет ничего. Начинают шарахаться рыбаки туда-сюда. Там пробурятся, тут пять лунок сделают – без толку. Ушла рыба.

Яков решил сходить за поворот – на чистую реку, может, там повезет. А Федор упорствует – в самый угол заводи забился, счастье рыбацкое у камышей ищет. Ага, дернул кто-то. Оп! – окунишка с мизинец, что рыбаки «матросиком», называют. Ну, хоть такая рыбка клюет, и то развлечение. Сидит Федор, «матросиков» дергает и жизнь свою вспоминает. А она у него ого-го какая бурная была. Деревенское босоное детство, раннее приобщение к тяжелому крестьянскому труду, учеба в училище, распределение в Узбекистан. А потом – и Дальний Восток, и Урал, и Подмосковье. И горячие точки не миновали. Куда только не кидала государева служба. И везде честно и добросовестно служил воин, до полковника дослужился. А вышел на пенсию – без дела тоже не сидел, в гражданскую оборону устроился, знания военные и там пригодились. Сидит, улыбается отставник – историю смешную вспомнил. Солдатик один, первогодок, водителем на бронетранспортере был. Поехали они как-то на стрельбище из части. А по пути – речка с мостом. Вот солдатик разогнался, а Федор и хлопни его по плечу – потише, мол, куда гонишь, препятствие все-таки. Солдатик обернулся – как же, командир зовет. Ну и навернулись они с моста, сломав ограждение. Грохнулись боком на лед, пробили его, но утонуть не утонули, мелко там оказалось, все выбрались через верхний люк благополучно. Синяков, правда, нахватали, но серьезных травм не было. Потому и наказали нестрого – свалили все на первогодка, а с него что возьмешь? А будь бы под мостом поглубже, могли бы и потонуть. И не стало бы на белом свете отставного полковника Федора Ивановича Неверина. Черт... Что-то давно Яшки не видно. На большую реку ушел, а там возле двух островов течение быстрое. Как бы в полынью не угодил...

Яков провалился сразу же, как вышел на ледяное поле реки, даже пробуриться не успел. Стремнина между островами подмыла лед, пургой припорошило прорубь, в нее и угодил горе-рыбак. Выбраться самостоятельно у Якова не хватило сил. Куртка и сапоги намокли, тянули вниз, будто сказочный водяной повис на ногах. Поначалу рыбак держался руками, потом они окоченели и перестали цепляться за скользкие края проруби. Яков впился в лед зубами, и это дало ему непродолжительную отсрочку.

Надежда была только на Творца. Господи, молил, Яков, если ты есть, то спаси меня от неминуемой гибели. Ну зачем я тебе на том свете нужен? Мне и здесь пока хорошо. Дай мне возможность полюбоваться золотым солнышком, голубым небушком, насладиться пением птишек и запахом клеверов. Неужели уж у тебя там, в раю, лучше, чем у нас?

А может, и нет никакогорая? – закралось вдруг сомнение. Может, придумали все попы да подпопики? А есть только тяжелая мерзлая земля могилы и вечная темнота. Как хорошо тем, кто без всяких сомнений верит в существование загробной жизни. Им легче умирать. А ты вроде и веришь, а вроде и сомневаешься. А что если я обманывал себя своей логикой? Нет никакого райского сада. Чушь это все. Господи, как я жить-то хочу! А ведь, наверно, и нет на свете по-настоящему верующих. Все смерти боятся. И очень боятся. И попы тоже. То есть они вроде и веруют, что их царствие небесное ждет, а тут же сомневаются. Потому и умирать не хотят, потому и берегут свою жизнь как зеницу ока. Жить! Жить! Жить!

Яков вдруг понял, что жить ему осталось не больше пяти минут – силы были на исходе. Боже мой... Всего пять минут – и его, Якова, умного и образованного человека, интеллектуала и философа, не станет на белом свете. Позади была дорога длиною в жизнь, а впереди – каких-то крошечных пять минут. Как это страшно – понять, что жизнь твоя завершилась. По привычке, приобретенной в активной и бурной молодости, а может, еще и раньше – в тягучем и слабо меняющемся детстве он надеялся на будущее. Вот-вот наступит это – и ты станешь взрослым, умным, заслуженным, уважаемым, достигнешь того или сего, завоеешь новые высоты. А для чего? Все ведь уже кончилось. Пять минут... А точнее, уже четыре с половиной. Как с этим примириться? Яков задергал руками, пытаясь опереться об лед, зацепиться за скользкие края. Без толку. Замершие ладони едва царапали мокрый снег на краю проруби, не оставляя никакой надежды на спасение.

Боже! Я не хочу на тот свет! Я хочу побыть на этом!

Яков вдруг понял, что не будет никакого того света. Холодная вода в легких, удушье, бессильное барахтанье – и всё. Темнота. Мрак. Конец суетливой, бурной и в общем-то бестолковой жизни, потраченной на добывание хлеба насущного и места под солнцем. Как же он обманулся с этой верой в царствие небесное? Он так надеялся, что даже в смерти его будет какой-то смысл. По его логике мудрые предки лучше современников владели таинством жизни, больше понимали в тонкостях существования души во вселенной. Им кто-то дал это знание, и они хранили его, передавая из поколения в поколение. И он, Яков, поверил в их мудрость, утешил себя царствием небесным, подчинил свою логику чужой сказке о бессмертии души, а теперь вот ему осталось несколько минут (три? две?) бесценной жизни, которую он не умел беречь и которой так бездарно распорядился ради килограмма «матросиков», которые никому и не нужны. Это ведь не на амбразуру, чтобы защитить Родину, не в пламя, чтобы вытащить ребенка, не в схватку с бандитами, чтобы спасти семью... Просто так... Он прерывал свою драгоценную и единственную жизнь, чтобы лично проверить ложную и абсурдную идею райской загробной жизни. Шла последняя минута, и он уже чувствовал тьму, которая подкатывала под сердце и застилала глаза.

Господи! Помогите! Господи! Помилуйте! Яков закрыл глаза и застонал тоненько и страшно – шли последние секунды...

Федор вывернул из-за камышей и сразу же увидел, что стряслась беда. Он бросился вперед, на ходу соображая, как будет вытаскивать друга. Топор в машине остался, лесину нечем срубить. Ножом долго проковыряешься. Веревка... Да, в ящике моток крепкой бечевки на всякий случай всегда лежит... Держись, Яшка!

Полковник ввернул бур наполовину в лед, привязал к нему бечевку и, разматывая ее, пополз к проруби. Приблизившись, он понял, что схватиться за свободный конец бечевки Яков не сможет, ладони его, хотя и лежали на кромке льда, но были бессильно скрючены. Придется ползти до самого края. Только бы самому не провалиться. «Ничего, если и провалюсь, сил хватит, чтобы выбраться, держась за бечевку», – бормотал под нос полковник. Годы воинской закалки не прошли даром – Федор был уверен в своих силах. Подобравшись к краю проруби, полковник ухватил друга за шиворот и резко потянул на себя, одновременно подтягиваясь на туго натянутой бечевке. Яшка, хотя и отяжелел от намокшей одежды, но рывок, который сделал Федор, был

настолько силен, что тело рыбака сразу перевалило через край. Все так же подтягиваясь на бечевке, Федор волок приятеля к острову. Потом тащил его, обессиленного и почти неживого, по снегу до деревни, потом, переодев во все сухое, гнал на пределе возможности старенькой «Нивы» в город.

Яков больше не ездил на рыбалку. Потрясение было таким сильным, что он даже слышать не хотел ни о каких «матросиках». Встречаться с другом он стал в общественной бане. Там было уютно, тепло и безопасно. Сидя в буфете и потягивая пиво, они по привычке лениво препирались.

– Ну что, Яша, помог тебе твой Бог? – насмешливо спрашивал Федор.

– Помог. Я помолился – вот он меня и спас, – не очень уверенно отвечал Яков, раздирая сушеную плотвичку.

– Ха! – возмущался не очень энергично отставник. – Так это же я тебя спас, а не он. Ты что – забыл?

– Если бы не он – ты бы не успел, – задумчиво отвечал Яков.

– То есть ты хочешь сказать, что это он меня надоумил посмотреть, где ты и почему долго не возвращаешься?

– Конечно.

– Ну ты даешь! Никто меня не надоумливал, понял? Я сам забеспокоился о своем друге. Так что ты тут мистику свою не разводи.

– Это не мистика, Федя, а реальность. Бог есть, и все тут. Жаль вот только, что верую я неправильно.

– Как это?

– Ну не от души, а от разума. Вот потому и сомнения меня гложут. Вот раньше как было – отец мать веруют и дети тоже. Для них вера – как дыхание было. У них никогда сомнений не было: верить или не верить...

– Да были, Яша, были сомнения-то. И ты это превосходно знаешь. Вспомни, как после революции церкви взрывали и попов расстреливали. Так что и от души вера не очень крепкая было. Да и у тебя она тоже некрепкая. Врешь ты все.

– Почему это я вру? – обиделся Яков.

– А посуды. Жить тебе хотелось, когда ты в проруби за лед зубами держался?

– Очень хотелось, – согласился Яков.

– А почему?

– Как почему? Это же естественно.

– Нет, для тебя это неестественно. Ты же в царствие небесное веришь. Вот бы и плыл туда. Там бы тебя апостол Петр чин чином встретил. Глядишь, сейчас бы в раю апельсины кушал да слушал ангельское пение.

– Вот тут ты, может быть, и прав. Я понял, что нет никакого царствия небесного, иначе бы я так не испугался.

– Логика твоя хваленая помогла такую простую вещь понять или с небес сигнал подали?

– Ага, логика. Один великий русский философ, будучи глубоко верующим человеком, отрицал существование ада. Бог есть любовь. Если Бог милостив, он не может такое учинить для человека. Но если нет ада, значит, нет и рая. Они друг без друга не смогут существовать.

– А что тогда есть?

– Не знаю. И никто этого не знает. Свидетелей нет. А все, что по этому поводу говорят, все выдумки.

– А Библия?

– А что Библия? Может, там под раем что-то другое подразумевалось.

– Как это?

– Библия – это глубоко зашифрованный источник древнего знания. Есть такой замечательный поэт – Николай Рачков. Вот как он пишет о своем детстве: «Я был в раю, но я не знал об этом». Может, и в Библии этот рай имелся в виду? Детство – это рай. А как только ты познаешь плотские утехи и вкушаешь плод с древа познания, то тебя за шкуру в зрелую жизнь выбрасывают. Человек хочет заполнить информационную пустоту и придумывает сказки.

– Бог – тоже сказки?

– Нет. Творец – источник всего сущего. Из ничего нельзя сотворить-ся ничему.

– А рая нет?

– Нет.

– Тоже логика подсказала?

– Она.

Подумав немного и запив раздумье добрым глотком пива, Федор сказал:

– Фиговая у тебя логика.

– Почему? – удивился приятель.

– Ты, Яшка, сейчас как будто ты у меня что-то дорогое отнял. Я уж было в этот твой рай понемногу верить начинал. А ты взял и обломал. Умник.